

ЗАБОТЛИВЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

Ян Борисович Гамарник глубоко вникал в работу комсомольских организаций, понимал нужды и интересы молодежи, обладал удивительным чутьем ко всему, что касалось ее жизни. И недаром в Дальневосточном крайкоме комсомола, где мне довелось быть секретарем, шутя поговаривали: у Яна Борисовича борода отцовская, а чутье молодцовское. В его отношениях с комсомольским активом не было ничего покровительственного, навязчивого. Не допускал он похлопывания по плечу, не любил риторики и высокопарных эпитетов, не делал скидок на возраст. Всегда ровное, товарищеское обращение, готовность дать партийный совет, оказать помощь во всем — вот что составляло его стиль.

Однажды Ян Борисович позвонил по телефону:

— Товарищ Кузениц, вы не смогли бы зайти ко мне?

И вот я в кабинете секретаря крайкома ВКП(б).

— Был у меня товарищ Зызо, секретарь Борзинского укома партии, — говорит Ян Борисович. — Беседовали на разные темы, затронули и комсомольские. У меня сложилось впечатление, что комсомольские руководители в Борзе уж чересчур «революционны», проповедуют какой-то аскетизм. Надо бы вам съездить туда...

Приехав в Борзю, мы (я и С. А. Климов — секретарь Забайкальского окружкома комсомола) сразу столкнулись с фактами, которые подтвердили обоснованность тревоги Яна Борисовича.

В первый же вечер, оставшись ночевать у секретаря укома Дмитрия Машина, мы узнали, что в семье, где он квартирует, — конфликт. У дочки хозяйки — длинные черные косы, а комсомольский актив предложил ей подстричься. Мотив был один: на уход за волосами уходит много времени, которое следует использовать на общественные дела. Словом, длинные волосы наносят ущерб ком-

сомолу, и отсюда решение — косы отрезать. Сама дочка уже готова на «самопожертвование», но мать — ни за что!

Оказалось, что подобное происходит не в одном доме. По Борзе пополз слух: «Подождите, всех остригут». В семьях начались баталии. Мамаши высказывались категорически: «Заберем дочерей из комсомола, пока не поздно». Девушки в слезы. И не все устояли...

Разумеется, конфликт был ликвидирован. Комсомольским руководителям уезда было разъяснено, что они не правы. Девичьи косы оставили в покое. Мамаши утихли.

Вернувшись из Борзи, мы пришли к Яну Борисовичу рассказать о своей поездке. Он взял со стола статистическую сводку роста комсомольской организации края и, обращаясь к нам, заговорил:

— Важен факт, но еще более важен урок, который из него следует извлечь. Предположим, что товарищ Зызо не заходил ко мне, а вы не ездили в Борзю. Сколько дров наломали бы там!.. А вот стоит внимательно проанализировать цифры, как станет ясно: за последнее время в Борзе при общем росте числа членов ВЛКСМ число девушек-комсомолок не только не увеличивается, а даже уменьшается. Надо было вовремя вникнуть в эти цифры. Иначе зачем же, собственно, составляются статистические отчеты? Цифры отражают реальные жизненные процессы, и поэтому в них нужно вдумываться, делать на их основе выводы и обобщения.

Ян Борисович заметил, что у некоторых работников комсомольских органов замечается своего рода нигилизм к статистике. Бумага, сводка — это, мол, канцелярия, а канцелярия — непременно бюрократизм. Между тем методы изучения жизненных явлений могут быть разнообразными.

— Важно и живое общение, и умелое чтение сводок, анализ цифр. Вот в чем борзинский урок! — сказал в заключение Гамарник.

Ян Борисович показывал пример всестороннего изучения явлений жизни. Он имел обыкновение посещать массовые собрания на предприятиях и в учреждениях. Это давало ему материал для глубоких размышлений.

— Походил я по ячейкам, — говорил он на одной из встреч с работниками крайкома комсомола, — побывал на комсомольских собраниях «Дальсельмаша», железной дороги, затона... И, знаете ли, эти собрания дали мне неиз-

меримо больше, чем десятки докладных записок, хотя и без них не обойтись.

Гамарник поделился соображениями, которые возникли в ходе общения с людьми. Помнится, интересные мысли высказал он о критике.

— Когда мы критикуем кого-либо из работников, — говорил Ян Борисович, — то к чему стремимся? К улучшению дела. Чтобы товарищ лучше работал. Чтобы не падал духом, а, наоборот, набирался бодрости и веры в свои силы. Если человек потеряет веру в себя, в свои возможности — толку от него уже мало. Значит, критика должна быть товарищеской, она ни в коем случае не должна ущемлять человеческое достоинство. Речь идет не о каких-либо скидках. — Гамарник на минуту умолк, собираясь с мыслями. — Требовательность и принципиальность, — продолжил он, — не исключают, а предполагают уважение к человеку. Что же я видел в некоторых организациях? Уж если навалятся на кого, так со всем молодежным пылом, со всей юной горячностью. Так прощесочат, что не продохнуть. А ведь во всем нужна мера, нельзя перехлестывать.

Другой раз Ян Борисович, встретившись с нами, развил мысль о чуткости и внимательности к людям. Он говорил о том, как в комитетах ВЛКСМ принимают комсомольцев, реагируют на их заявления. Тема беседы возникла в результате его встреч с комсомольскими работниками Владивостока, Хабаровска, Благовещенска.

— Принять человека, пришедшего в комитет по личному вопросу, — сказал он, — дело не простое. Тут нужны большой такт, умение выслушать. Вообще слушать труднее, чем говорить. Иной сам легко говорит хоть час, а вот послушать другого в течение десяти минут не хватает терпения. Если просьба пришедшего к вам товарища удовлетворена, он не обратит внимания на то, как с ним разговаривали, пропустит мимо ушей детали, не совсем приятные. Но представьте, что просьбу приходится отклонить. В таком случае нужно быть особенно внимательным к человеку. Не только выслушать претензии, но и доказать, что иначе решить вопрос нельзя.

По совету Гамарника мы собрали членов бюро крайкома, секретарей окружкомов: обменялись мнениями, как организовать прием посетителей в комитетах ВЛКСМ. Вопрос этот был действительно важный. Он касался сти-

ля работы, а стиль, как подчеркивал Гамарник, неотделим от содержания и направления всех наших дел.

В начале 1927 года в Хабаровске собрался очередной пленум крайкома комсомола. Приехали активисты с Камчатки и Сахалина, из Владивостока и Читы, из всех округов обширного края.

Ян Борисович участвовал в работе пленума, в принятии его решений, делал короткие реплики, а затем выступил. Кто слушал Гамарника, тот знает, что он был замечательным оратором. Его речь чужда риторике, внешних эффектов, она текла ровно, спокойно. Слушать его было легко.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке